

Не только такая простая женщина, как Хун Сюин, но даже жёны и молодые госпожи из знатных и влиятельных семей города, если в их домах кто-то заболел и нуждался в лечении, или кому-то требовался регулярный пульсовой диагноз по причине беременности, а то и вовсе подходил срок родов, — все они в итоге не могли дозваться ни толкового лекаря, ни повитухи.

В один миг кругом поднялся ропот.

— Этот Резиденция великого наставника ведёт себя чересчур нагло! Стоило заболеть их собственному сыну, как они согнали в особняк всех врачей в округе. Разве они дают другим жить?

— Моя матушка дома всё ещё ждёт повторного приёма у лекаря Ли! И что теперь делать?

— Бабушка Ван обещала моей госпоже прийти сегодня послушать пульс, а её и след простыл! Просто до смерти тревожно!

Чиновники, которые и в мирное время находились в натянутых отношениях с Резиденция великого наставника или просто хотели воспользоваться случаем и пнуть недруга, зашевелились при первом же дуновении ветра.

Вскоре на императорском столе словно хлопья снега выросли меморандумы с импичментом великому наставнику Цинь Хуэю: в них обвиняли его в том, что он лишён человечности на посту чиновника, пренебрегает нуждами народа, потворствует бесчинствам сына и монополизирует медицинские ресурсы.

Хотя эти высокопоставленные сановники сами едва ли сильно переживали о выживании простого народа, сейчас это, без сомнения, служило превосходным предлогом для нападок на политических противников и выплескивания личной злобы.

Цинь Хуэй в зале заседаний позеленел от гнева, но оправдаться было нечем.

Разве мог он заявить во всеуслышание, что врачей созвали со всей округи потому, что его сын, возможно, «забеременел»?

Столкнувшись с давлением со стороны как при дворе, так и за его пределами, особенно после скрытых упрёков со стороны императора, Цинь Хуэй, при всей своей власти, был вынужден временно отступить в тени.

Скрипя зубами от досады, но не имея другого выхода,

он приказал отпустить большую часть задержанных в особняке лекарей и повитух, однако напоследок не забыл мрачно и грозно предупредить:

— Держите языки за зубами! Если хоть полслова из того, что вы видели и слышали в Резиденция великого наставника, просочится наружу, берегите свои головы!

Врачи, чувствуя себя так, будто им даровали помилование, в страхе и трепете удалились и, разумеется, держали рты на замке, не смея сказать лишнего.

Вернувшись в собственные лавки и дома, они отвечали на расспросы томившихся в ожидании больных и их родственников туманными отговорками, мол, в Резиденция великого наставника

их задержали на несколько дней для консилиума по поводу сложного и запутанного недуга.

Никто не осмеливался упоминать потрясшую основы мироздания «мужскую беременность», и тем более никто не смел сказать дурного слова о сыне великого наставника.

Пациенты, чьё лечение задерживалось в городе из-за нехватки врачей, наконец-то дождались помощи.

Супруга зажиточного горожанина, нуждавшаяся в сохранении плода, ребёнок с несбивающимся жаром и бесчисленные простолюдины, измученные болезнями, наконец-то дождались лекарей.

Хун Сюин тоже мысленно вздохнула с облегчением, связалась с матушкой Чэнь и уладила все приготовления к родам.

Однако округляющийся с каждым днём живот Цинь Хуаня, который уже едва получалось скрывать под одеждой, оставался сокрытой от посторонних, но оттого не менее неразрешимой чудовищной тайной внутри Резиденция великого наставника.

Ещё сильнее его тревожило то, что посланные в Монастырь Линъинь за Живой Будда люди вернулись ни с чем.

В докладе говорилось, что, едва услышав о приглашении из Резиденция великого наставника, тот монах Живой Будда замотал головой, словно погремушка, и лишь отшутился:

— Монах я скудоумный, силен лишь от головной боли да жара помогать, а с благородным недугом Резиденция великого наставника я уж точно совладать не в силах, бессилен я, бессилен...

После чего он скрылся в неизвестном направлении — пить вино да вкушать мясо, и дозваться его не представлялось никакой возможности.

Живой Будда пригласить не удалось, обычные лекарства не помогали, а слухи вокруг бушевали всё сильнее...

Госпожа Цинь, глядя на то, как её сын день ото дня чахнет, то впадая в безумие, то погружаясь в отчаяние, выплакала все слёзы и превратилась в живое воплощение горя.

Цинь Хуэй долго шагал взад и назад по своему кабинету, пока наконец не принял трудное и унижительное решение.

Он вызвал доверенного управляющего и, понизив голос, проговорил голосом, полным усталости и жестокой решимости:

— Сейчас вокруг беспокойно, и если Хуань-эр останется в резиденции, шила в мешке долго не утаишь.

Немедленно отправляйся всё подготовить: найди надёжное и уединённое имение где-нибудь в деревне, приставь к нему абсолютно преданных людей.

Тихонько переведи молодого господина туда на покой.

В его глазах промелькнуло сложное чувство — в конце концов, это был его единственный сын.

— Выдели побольше людей, обязательно позаботься о его безопасности.

Всё необходимое для жизни и одежды должно быть в достатке.

Переждём это лихое время, а там видно будет.

И вот в одну безлунную и ветреную ночь скромные маленькие паланкины под охраной отряда крепких слуг бесшумно вынесли через задние ворота Резиденция великого наставника, и они направились в загородное имение.

Солнце ласково заливало лучами тихий дворик. Хун Сюин сидела на низенькой табуретке и скармливала свежие капустные листья маленькому белому кролику, который неизвестно когда снова забрёл в её двор.

С тех пор как та бессмертный лис исчезла, этот похожий на снежный комок кролик навещался регулярно; он совсем не боялся людей и тихонько сидел у её ног.

— Госпожа Хун, вы бы поберегли себя.

Седовласая матушка Чэнь с добрым лицом перешагнула порог с медицинской сумкой наперевес.

Заметив, что та поднялась, она торопливо сделала несколько шагов вперёд, чтобы поддержать её, а в её голосе звучала неподдельная забота:

— По моим расчётам, со дня на день уже всё разрешится. Не стоит вам больше далеко от дома хаживать, посидеть бы на солнышке прямо здесь, во дворе, — это самое то.

Хун Сюин покорно кивнула, с кроткой улыбкой на губах нежно поглаживая сильно выпирающий живот, и мягко ответила:

— Я понимаю, благодарю матушку Чэнь за заботу. В эти дни я всем обязана вашим частым визитам.

С этими словами она слегка подняла лицо, глядя на матушку Чэнь.

Лучи солнца падали на лицо Хун Сюин, делая её и без того нежную кожу почти прозрачной, словно отполированный баранчий жир высшего сорта, излучавший мягкое сияние.

Её ясные, подобно воде, глаза светились чистотой, а в каждом движении взгляда таилась невыразимая безмятежность.

Матушка Чэнь принимала роды и врачевала несколько десятилетий, за свою жизнь она повидала не меньше тысячи беременных: истощенные, отёчные, охваченные тревогами женщины были обычным делом.

Но чтобы кто-то, подобно Хун Сюин, по мере приближения родов выглядел всё лучше и здоровее, а лицо становилось всё более чистым и одухотворённым — такого она действительно видела впервые.

Эта госпожа Хун словно была создана из нефрита, любовно взлелеянного самой Богиней Милосердия с помощью благодатной росы из её сосуда.

Что уж говорить о мужчинах — даже она, старуха, глядя на эту женщину, не могла удержаться от светлой радости и желания приблизиться к ней.

— Госпожа Хун... Вы... Вы просто... — матушка Чэнь открыла рот, желая рассыпаться в похвалах, но не смогла подобрать подходящих слов, чувствуя, что любые слова блекнут перед такой красотой и статью.

В конце концов всё свелось к искреннему вздоху:

— Какая же у вас благословенная внешность! Этот ребёнок в будущем непременно будет озарён великой удачей!

Хун Сюин смутилась от похвала и слегка опустила ресницы.

Матушка Чэнь взяла себя в руки, внутренне продолжая дивиться, и, поддерживая Хун Сюин, которая неторопливо шла в дом, вновь принялась подробно перечислять предосторожности на время родов.

У основания садовой стены белый кролик быстро перебирал трехраздвоенной губой капустный лист, который дала ему Хун Сюин, а его пушистая головка была наклонена в сторону лениво греющегося на солнышке бессмертный лис.

— Старшая сестра, этот твой благодетель и впрямь невероятно хорош собой, даже красивее тех цветочных демонов и бессмертный лис из наших гор, что приняли человеческий облик.

В её черных глазках плескалось чистейшее восхищение, смешанное с лёгкой тревогой.

— Только... раз она такая красивая и живёт здесь одна, разве ей не грозит опасность?

Бай Лин качнула пушистым хвостом, и в её лисьих глазах мелькнула капля лукавого самодовольства. Передавая слова мысленно, она фыркнула:

— Хм, неужели ты думаешь, что твоя старшая сестра лыком шита? Я давно расставила вокруг этого двора простейшие иллюзорные чары заблуждения и охранные барьеры; всякий со злыми мыслями даже к воротам подойти не сможет. К тому же...

Она капризным кивком подбородка указала на неприметный уголок за оградой:

— Мои сородичи-лисята тоже по очереди дежурят здесь, так что не переживай!

В этот самый момент на грунтовой дороге недалеко от двора появилась компания незваных гостей.

Это был не кто иной, как Цинь Хуань, который так долго томился взаперти в особняке и которого с таким трудом вывезли на покой в загородное имение.

На нём было просторное платье особого кроя, поверх которого накинули тяжелую накидку,

кое-как скрывавшую выдающийся живот.

Шедший в крайне раздраженном состоянии, он бросил случайный взгляд по сторонам — и аккуратно заметил во дворе Хун Сюин.

Тот скромный силуэт казался лучащимся собственным светом под лучами солнца.

Когда же она выпрямилась и её профиль попал на глаза Цинь Хуаню, у него в груди дико колело, а дыхание перехватило.

— Ох... Какая прекрасная женщина! В этой глухомани спрятана такая редкая красавица?! Да она краше любой главной столичной куртизанки из весёлых кварталов!

Волна нечистого вожделения мгновенно ударила в голову, на время вытеснив всю накопившуюся за эти дни злость и странности собственного тела.

— Приведите её в имение. Такая красotka вполне достойна того, чтобы этот молодой господин как следует позабавился с ней.

Даже если сейчас мне нездоровится, ласкать такую прелесть и держать её перед глазами — уже услада для души.

Похотливые мысли вспыхнули с новой силой.

Не заботясь ни о чём другом, он бросил выразительный взгляд на следовавших позади слуг и приказал приглушённым голосом:

— Ну-ка, живо «пригласите» эту молодую госпожу в имение.

Эти слуги были отъявленными негодяями, привыкшими угнетать слабых и чинить беззаконие. Услышав приказ молодого господина и убедившись, что девица действительно хороша собой, они, словно голодные волки при виде мяса, с ухмылками бросились к маленькому дворику.

Однако произошло нечто странное.

Первый бежавший впереди слуга, не добежав каких-то семь-восемь шагов, обо что-то споткнулся, с отчаянным воплем «ой» полетел вперёд и растянулся на земле так, что только грязь брызнула, а после схватился за ногу и завыл от боли, словно вывихнул лодыжку.

Второй слуга опешил, обогнал товарища и бросился вперёд, но не успел сделать и двух шагов, как другая нога внезапно подкосилась, и он с размаху врезался коленями в землю, скривясь от боли.

Третий... Четвёртый... Со всеми приключилось то же самое!

Не успев даже приблизиться к воротам двора, они неведомым образом валились с ног на землю: у кого ноги болели, у кого ступни.

Цинь Хуань, наблюдавший за этим сзади, взбесился до предела и разразился яростной бранью:

— Ничтожества, сборище бездарностей! Вам поручили схватить какую-то деревенскую бабу, а вы и с этим справиться не можете? На кой чёрт вы мне вообще сдались?! Цинь Хуань, разъяренный до предела, решил лично броситься вперед, чтобы проучить никчемных слуг, а заодно и самому схватить ту женщину.

Однако стоило ему сделать два шага, как под ногой оказалось что-то круглое и скользкое. Потеряв равновесие, он с глухим стуком плашмя повалился на землю.

Падение оказалось на редкость болезненным, особенно для его выпирающего живота, который первым встретился с землей. В тот же миг его пронзила острая, выворачивающая нутро боль!

— А-а! Мой живот! Как больно! — Лицо Цинь Хуаня мгновенно побелело, холодный пот градом покатился по лбу. Свернувшись калачиком и прижимая руки к животу, он уже не мог думать ни о какой красавице.

Слуги, увидев такое, перепугались до полусмерти. Забыв о собственных ушибах, они бросились к господину и, суетясь, кое-как подняли вопящего на весь лес Цинь Хуаня, после чего в панике помчались обратно к усадьбе.

В тени лесной чащи маленькая красная лисица убрала лапку, которой только что колдовала, и облизнулась. В ее глазах читались насмешка и торжество.

— Ха, жаба захотела отведать лебяжьего мяса! Ишь, раз мечтался! Ты хоть знаешь, кто ее защищает? С такой-то рожей да зариться на Благодетеля моей бабушки? Так тебе и надо, сдохни в мучениях!

Правда, странно... почему у этого мужика живот такой круглый?

В тот же день Хун Сюин внезапно почувствовала внизу живота тянущую, острую боль и поняла: пришло время.

Повитуха, бабушка Чэнь, уже давно дожидалась в доме и, увидев, что началось, тут же принялась за дело. К удивлению опытной старухи, роды Хун Сюин прошли невероятно легко.

Без особых усилий, всего через час с небольшим, раздался звонкий, крепкий детский плач — ребенок появился на свет.

— Поздравляю, госпожа Хун! Радостная весть! Родился настоящий красавец, маленький господин!

Бабушка Чэнь осторожно поднесла вымытого младенца к Хун Сюин, не скрывая изумления:

— Я на своем веку повидала немало родов, но впервые вижу, чтобы все прошло так гладко. И впервые вижу такого чистого, красивого младенца, едва появившегося на свет.

Ребенок в пеленках и вправду не был красным и сморщенным, как обычные новорожденные. Напротив, его кожа была белой и нежной, с легким здоровым румянцем, а пухлое личико украшали огромные, ясные глаза, похожие на черный виноград. Они любопытно бегали по сторонам, словно младенец изучал этот дивный новый мир. Он не плакал и не капризничал, а лишь тихо смотрел на мать, и уголки его губ, казалось, слегка приподнимались в улыбке.

Хун Сюин, обессиленная, откинулась на подушки. Глядя на это чудо, она ощутила невыразимое

счастье и покой. Она нежно погладила крошечную щечку и прошептала:

— Назовем его Ши Ань. Янь Ши Ань. Не нужно ему ни великого богатства, ни высокого положения, лишь бы рос в безопасности и чтобы жизнь его текла гладко.

Маленький Ши Ань словно понял ее слова и неосознанно пошевелил ручкой.

С того дня Бай Лин стала считать этот дворик своей территорией, оберегая его денно и ночью. Она перестала скрываться и часто показывалась в облике белой лисы, принося в зубах то фазана, то дикого кролика, то косулю, и бесшумно оставляла добычу у порога кухни. Лиса знала меру: приносила понемногу, так что дичь легко терялась среди покупок Хун Сюин, не вызывая подозрений.

Поскольку в тех краях многие высокопоставленные чиновники устраивали охотничьи угодья, Бай Лин часто удавалось раздобыть редкую дичь, что служило отличным подспорьем для рациона Хун Сюин.

А в это время в усадьбе Цинь Хуань все больше изнывал от вожделения. Образ несравненной красавицы Хун Сюин крепко засел у него в голове, а узнав, что она недавно родила, он почувствовал извращенное желание завладеть ею.

Разве такую красавицу с ребенком на руках не легче заполучить?

Он «лечился» в усадьбе, но мысли его были в том маленьком дворике. Он постоянно искал случая пробраться туда и подсмотреть за ней, хотя бы одним глазком.

Но случалось странное: стоило ему, не удержавшись, взять с собой слуг и попытаться прокрасться к дому, как с ним постоянно приключались «нелепые случаи». То носильщики падали на ровном месте, роняя его, то он сам спотыкался на пустой дороге, всякий раз доводя себя до невыносимой боли в «больном» животе. В итоге слугам приходилось позорно тащить его обратно.

После нескольких таких попыток он почти уверился, что эта деревня проклята для него.

В этот день Цинь Хуань снова смотрел в сторону дома Хун Сюин, пожирая его глазами и сгорая от нетерпения.

Однако он не знал, что сам уже попал в сети.

В спальне, лежа в колыбели, Янь Ши Ань (Линь Шуан) медленно открыл глаза.

Цинь Хуань, твои сладкие деньки сочтены.

Он едва заметно сосредоточился. Система, применить «Ауру тотального очарования» и «Пилюлю продолжения рода», цель — Цинь Хуань, немедленно активировать.

Розовое сердцевидное сияние бесшумно пересекло пространство и точно погрузилось в тело терзаемого зудом и тоской Цинь Хуаня, находившегося в загородном поместье.

Пилюля продолжения рода также растворилась в его теле.

Цинь Хуань резко вздрогнул.

Только Цинь Хуань приподнялся, как знакомая волна нахлынувшей сонливости вновь захлестнула его.

Он раздражённо цокнул языком и в конце концов отбросил мысли о выходе из дома, с досадой снова улегшись на тахту.

Он тихо выругался.

Он чувствовал себя отвратительно: всё тело ныло, а сердце, распаленное Хун Сюин, порывалось к действию, но выхода не находило.

В этом паршивом поместье не было даже ни одной миловидной служанки — какая неудача!

— Иди сюда, разомни мне голову, — с недовольным видом отдал приказ он, вынужденный довольствоваться малым и заставлять прислуживать этих неуклюжих слуг.

Один из слуг поспешно отозвался, опустился на колени у края тахты и осторожно опустил руки на виски Цинь Хуаня, принявшись умеренно массировать их.

Поначалу он просто, как и всегда, повиновался приказам молодого господина.

Но постепенно,

он вдруг почувствовал, что

сегодняшний молодой господин...

необычайно очарователен.

Ощущение от прядей волос под кончиками пальцев было мягким и гладким, от них исходил легкий аромат.

Опустив взгляд, он невольно проследил глазами за высокой переносицей молодого господина вниз,

остановившись на его губах, которые из-за питания организма в период беременности казались

чуть более пухлыми, чем обычно, а их неестественно розоватый оттенок приобретал некую... чувственность.

Кадык слуги непроизвольно дернулся.

Он заставил себя отвести взгляд, но глаза будто обрели собственную волю и, скользнув по подбородку, медленно поплыли к слегка распахнутому вороту одежды.

Поскольку он отдыхал в помещении, на Цинь Хуане был надет лишь тонкий шелковый ночной халат, и сейчас, когда он лежал навзничь, ворот уже распустился, обнажая небольшой кусочек белой груди и проступающие ключицы.

В такт его ровному дыханию грудь слегка вздымалась, и в тусклом свете это излучало какое-то незащищенное, странное притяжение.

— Молодой господин... вы сегодня еще пойдете наружу? — слуга попытался завести разговор, чтобы прервать эту пугающую его тишину, но голос против воли приобрел легкую хрипотцу.

Ответа не последовало.

Набравшись храбрости, он слегка наклонился вперед, приближаясь, чтобы проверить, не уснул ли молодой господин.

Цинь Хуань и в самом деле спал.

В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь переплетающимся дыханием двоих.

Слуга застыл в согнутом положении, массаж давно прекратился, а его рука все еще лежала в волосах Цинь Хуаня,

в то время как взгляд был прикован к едва заметно вздымающейся ткани ночного халата.

В воздухе словно разлилось безмолвное, густое вожеление,

которое казалось почти осязаемым.

Его кадык с трудом дернулся, и сухой звук сглатывания отчетливо прозвучал в тихой комнате, отдавая какой-то звериной жаждой.

У корней зубов возникло томительное кислое зудящее ощущение, словно бесчисленные мелкие насекомые

грызли их.

Обжигающее дыхание оевало кожу на шее Цинь Хуаня.

Пальцы, которые только что аккуратно массировали виски, начали неконтролируемо подрагивать.

Цинь Хуань проснулся в состоянии невыразимого раздражения и недомогания.

Он с вялым видом уселся за обеденный стол, глядя на вполне изысканный утренний укрошение плоти, но аппетита не было вовсе.

Ему казалось, что даже малейшее соприкосновение ткани мягкого шелка с поверхностью стола отзывается покалыванием, зудом и распиранием, из-за чего он не мог усидеть на месте и чувствовал себя неудобно при любой позе.

Что за погода... даже эта материя натирает до боли, — тихо выругал он, наконец потеряв терпение и не заботясь ни о каких приличиях, резко оттянул воротник вниз, заглядывая внутрь.

Он увидел, что место, прежде едва заметно вздымавшееся, теперь раздулось и покраснело,

а от внезапного прикосновения прохладного воздуха оно неконтролируемо сжалось.

Если бы не холодная глубокая осень, он бы поистине пожелал распахнуть одежду настежь.

Погруженный в собственные неудобства, он раздраженно потерся тыльной стороной ладони, пытаясь унять пронзительный зуд, но это вызвало лишь новую волну странной дрожи.

Он совершенно не заметил, как изменились лица и как неестественно застыли обслуживающие его слуги и челядь.

Несколько стоявших ближе к нему слуг в тот момент, когда Цинь Хуань распахнул воротник, оцепенели, словно пораженные заклинанием паралича.

Их взгляды необоротимо притянуло туда, дыхание стало тяжелым, а в горле пересохло.

Эта картина несла в себе почти развратное потрясение.

Почти бессознательно они крепко сжали ноги.

Все нынешнее недомогание Цинь Хуань полностью списывал на эту болезнь.

<http://bllate.org/book/21973/2282999>